

Детство, опалённое войной

Комаровских Константин Фёдорович

e-mail: kfkom@yandex.ru

Как может показаться из «Воспоминаний Кости Комаровских» [1], жизнь его прекрасна и лучезарна: все ему помогают, всё легко даётся.

Но не всё так просто и лучезарно было в нашем детстве.

Родители мои были большими путешественниками, встретившись в сибирском селе Колывань, где я и родился 4.09.1934г. Отец Комаровских Фёдор Яковлевич - из вятских крестьян, ему единственному из 4 детей родители сумели дать образование (4 класса церковно-приходской школы), после гражданской войны он оказался в Сибири во времена НЭП'а, пытаюсь наладить кожевенное производство. У него от первого брака остался сын Витя. Мама же Хуциева-Климович Софья Виссарионовна – пианистка приехала из Владивостока, откуда в 20-ые годы их выселили как отпрысков дворянского рода. Родители её оказались в Японии, поскольку бабушке моей Екатерине Григорьевне Гринберг (её отец служил в фельдъегерском корпусе при императоре Александре III) не разрешили вернуться в СССР после гастролей за рубежом (она была блестящей пианисткой, окончившей Петербургскую консерваторию). Дед мой Виссарион Хуциев был ветеринарным военным врачом и в 1904 г. покинул с семьёй Петербург, отправившись во время русско-японской войны в г. Харбин для борьбы с холерой. У мамы после первого брака тоже был сын – Юра[2].

Папа после прохождения военной службы стал быстро продвигаться по служебной лестнице (начальник районного Бюро трудовой колонии, директор леспромхоза Колывани), но с наступлением ежовщины (он не был членом партии да ещё жена из дворян) родители решили перебраться на Северный Кавказ летом 1935 г. Мне ещё не было года , и от перемены климата я стал умирать. Врачи не смогли мне помочь, но нашёлся лекарь-горец, давший какие-то целительные капли и разрешивший есть помидоры, к которым я тянулся. И вот мне уже за 85. Жили мы тогда в Черкесске, где родилась моя сестрёнка Нина. Потом переехали в карачаевский аул Каменномост на берегу бурной холодной Кубани недалеко от г.Микоян-Шахар (теперь – Карачаевск). Здесь и застала нас война. Помню, как в середине августа 1942г. нескончаемым потоком в клубах пыли мимо нас проезжали немцы в касках на мотоциклах с коляской и пулемётом, затем –

военная техника. Они стремились к Эльбрусу и далее к нефтеносному району Баку. Мы из аула перебрались в город, который многие уже покинули. Папа не мог вывезти семью с малыми детьми, трудно было найти подводу и тем более машину. Во дворе и в некоторых квартирах разместились немцы с бронетехникой и армейской кухней. А 1 сентября открылась школа (она стояла в том месте, где р.Теберда впадает в Кубань), и я пошёл в первый класс. Нас начали учить немецкому языку. Часто приходили немцы с проверкой, после чего исчезали некоторые учителя и ребята неарийского происхождения.

Мы, конечно, голодали и в поисках пищи с сестрёнкой Ниной (5 лет) однажды отодвинули доску в сарае и стали вытаскивать пачки с галетами. Часовой услышал и пальнул нам вдогонку из винтовки (потом Богородица сообщила, что отвела пулю). А однажды я вытащил из рюкзака солдата буханку белого хлеба настолько твёрдого, что папе пришлось рубить его топором. Иногда он ездил в станицу Зеленчукская, где на какие-то вещи менял крупу или муку, подрабатывал починкой обуви. Миша (15-летний повар) иногда давал нам потроха и очистки от картошки. Порой и солдаты давали котелок с едой. Папа иногда беседовал с ними (он научился немецкому языку, будучи в германском плену в Первую мировую войну).

Но когда появились подразделения «СС» и гестаповцы, начали составлять списки коммунистов, советских работников, национальность, куда и папа попал (он работал в органах прокуратуры и Госстраха). Начались чистки и расстрелы (я сам видел как вели на расстрел и слышал выстрелы по вечерам), вскоре исчез и повар Миша. Помогали им предатели – полицаи, в основном с Украины. Одного из них потом они же уходя, пристрелили.

К счастью, через полгода после Сталинградской битвы немцы ушли, но ещё не ушли ужасы войны. Вот лишь некоторые эпизоды. Из-за гор часто появлялись немецкие самолёты – рамы, падали бомбы, строчили пулемёты, а учительница во время урока командует: всем ложиться на пол! Как-то с мамой идём на базар, воют и падают бомбы – девочка в 10-20м от нас падает убитая.

Опасность подстерегала на каждом шагу. Вот летит прямо надо мной самолёт, вижу лицо лётчика, он строчит из пулемёта, помахал крыльями, а я подбираю ещё горячие блестящие гильзы, бегу радостный к маме – это мои игрушки (солдатики). Долго на улицах валялись ящики со снарядами, а

зенитку с несколькими сидениями мы с пацанами хотели использовать как карусель, но раскрутить не удалось, а я от натуги заработал грыжу.

Несколько месяцев ещё не стихала стрельба в горах: часть горцев – предателей, на месяц задержавших продвижение наших войск через Клухорский перевал, укрылась в пещерах (они ждали прихода Турции).

И вот – возмездие, повидимому, чрезмерно жёсткое: выхожу на улицу, а через неё не перейти – вся заставлена новенькими американскими студебеккерами (крытыми большими машинами), куда сгоняли, порой прикладами, жителей Красного Карачая. Мне до слёз жалко было расставаться со своим другом.

Может быть, поэтому, когда город переименовали в Клухори и присоединили к Грузии, а нам пришлось учить грузинский язык, я из рогатки стреляя в вездесущий портрет в грузинском учебнике.

Нам повезло, остались живы. Папе перед приходом немцев предлагали уйти в партизаны, но он не мог оставить семью с малыми детьми, а весь партизанский отряд погиб накрытый лавиной.

Такое впечатление, что нас кто-то оберегал. Вот и 5-летнюю Нину Мохову (мою будущую половинку) вывезли из Ленинграда в Сибирь последним поездом, и сразу замкнулось кольцо блокады). И случайно ли, что мои прямые волосы после ухода немцев вдруг стали кудрявыми? (Иначе и исчез бы вместе с кудрявым мальчиком из моего первого класса?).

Но погибли наши старшие братья в числе многих миллионов, отстоявших наше Отчество, чтобы мы жили, учились, развивали науку, строили социализм.

В семье нашей никто не имел отношения ни к технике, ни к физике... Лишь старший брат Юра мечтал поступить в Московский университет, а затем заниматься научной работой, стать доцентом. Но не суждено было этим мечтам сбыться: сразу после 10 класса в первые же дни Великой отечественной войны он ушёл защищать Родину и, видимо, где-то под Сталинградом сложил голову, пропал без вести (сохранились 5 почтовых карточек по ходу передвижения до Новохопёрска). Средний брат Витя убежал на фронт в 15 лет, но его вернули до исполнения 16 лет, а затем в 1944 г. пришло извещение о том, что он погиб геройски 30 марта при освобождении Крыма от фашистов (от него остались короткое письмо в треугольном конверте и похоронка с координатами захоронения).

Вскоре после Великой Победы и окончания моего непростого детства мы покинули Кавказ и переехали в г.Гродно на границе с Польшей. Здесь тоже не было спокойно. Часто убивали наших военных т.н. «лесные братья», не смирившиеся с приходом советской власти в 1939г. Как-то мне 15-летнему комсомольцу предложили ехать в деревню для агитации участвовать в очередных выборах (кажется, в Верховный Совет СССР). И тут моя мама (мудрая, спокойная София) взяла мою командировку с деньгами и отнесла их в райком комсомола, сказав, что потеряла в войне двух сыновей и не желает такой участи младшему.

В Гродно в 1946 году ещё была польская школа, на улицах вместо такси можно было увидеть двуколку с кучером на облучке, сохранилось несколько костёлов с органами и лишь одна православная церковь на главной улице Ожэшко – в честь польской писательницы, жившей здесь. Вражды между поляками, белорусами, русскими не было.

Литература

1. Комаровских К.Ф. Воспоминания. //Альманах воспоминаний и сочинений выпускников физического факультета ЛГУ 1958 года. М.: ООО Буки Веди, 2014.
2. Комаровских К.Ф. На пороге новой парадигмы, СПб.: Копи-Парк, 2009.

Комаровских К.Ф. доктор физ.- мат. наук,

профессор, академик РАЕН

Отправлена в ФГБУ «Президентская библиотека им. Б.Н.Ельцина», СПб

2.07.2015 (коррекция 24.05.2020).